

Ци Муцин, видя, что тот заговорил с ним, тут же расплылся в улыбке и выпрямился. Больше всего на свете он любил в детстве сидеть под деревом на краю деревни и слушать, как старики рассказывают невероятные байки. Он всегда верил, что женьшеневые человечки существуют, причем именно такие — смешные и глуповатые.

— Глупости, — буркнул Сун Цзыюй. В отличие от Ци Муцина, он не вырос в глухой горной деревушке, поэтому, даже получив образование, не питал веры в подобные сказки. Однако, раз уж на свете существуют перерождения и реинкарнации, он никогда не чувствовал неловкости, споря с Ци Муцином.

— Ладно, ладно. Сегодня у нас на ужин рис и свинина в красном соусе, — Ци Муцин остался доволен тем, что закончил этот разговор. После того случая на рынке он стал внимательнее следить за питанием. Хотя каждый раз при покупке продуктов его душила жаба, стоило ему взглянуть на осунувшееся лицо Сун Цзыюя, как он стискивал зубы и покупал мясо.

Перед тем как начать готовить, он перенес Сун Цзыюя на кухню, а затем радостно принялся за дело.

После того как Сун Цзыюй переродился, он больше не готовил — все домашние хлопоты легли на плечи Ци Муцина. Раньше, когда они жили в маленьком домике в уезде, Ци Муцин обожал болтать без умолку, пока возился у плиты. А теперь, переехав сюда, он и вовсе обнаглел: пользуясь тем, что у Сун Цзыюя плохо ходят ноги, он перетащил его на кухню, чтобы тот продолжал слушать его трескотню.

Сун Цзыюй смотрел на этого дурачка, который весело гремел посудой и что-то напевал, и невольно задумался: может, он и правда постарел и растерял всю юношескую энергию? Тот что, вообще не устает?

— Ты сегодня такой радостный? — Сун Цзыюй сидел у входа на кухню, слушая его невнятное бормотание, и от раздражения его голос прозвучал резче, чем хотелось бы.

— Ага! Представляешь, я сегодня встретил полицейского, мы проговорили целую вечность! Он сказал, что я хорошо знаю свое дело и что я очень способный молодой человек, — Ци Муцин, поглощенный своей радостью, ловко шинковал мясо. Ему казалось, что даже ритмичные удары ножа по доске звучат весело.

Сун Цзыюй не видел в этом повода для радости. Хотя родители никогда им не занимались, в глазах окружающих он всегда был примерным ребенком, так что в похвалах недостатка не испытывал.

Однако, вспомнив скверный характер родственников Ци Муцина, Сун Цзыюй нахмурился. И при прошлой встрече, и в той, другой жизни, когда Ци Муцин встал на ноги, те люди тянули из него жилы, как пиявки, и при этом не выказывали ни капли уважения. А Ци Муцин всегда лишь трусливо терпел. Можно было только догадываться, в какой обстановке он рос. Кажется, их сближение когда-то давно началось именно с жалости к этому парню.

— Полицейские — настоящие герои. Я с детства мечтал стать полицейским, это так престижно, — Ци Муцин, не дождавшись ответа, продолжал рассуждать вслух. Он привык к тому, что Сун Цзыюй молчит, но знал, что тот его слушает.

Ци Муцин промыл рис, поставил его вариться и, увидев, что на плите закипело, довольно вытер руки. Он обернулся, чтобы расставить тарелки, и замер: Сун Цзыюй смотрел на него с каким-то странным выражением.

— Ты все еще хочешь стать героем? И пойти в полицию? — Сун Цзыюй всматривался в его чистое, красивое лицо и, слушая эти детские мечты, снова усомнился в самом себе.

— Неужели ты не хочешь добиться успеха? Стать большим начальником? Зарабатывать кучу денег? — неожиданно спросил Сун Цзыюй, не сводя с него глаз.

Ци Муцин под этим пронзительным взглядом, от которого, казалось, ничего не скроешь, вздрогнул и потер шею. Он не понимал, к чему эти вопросы, но по отношению к больному, особенно к своему учителю Суну, его терпение было безграничным.

— Конечно, я хочу добиться успеха. Но я знаю, что такой, как я, точно не сможет стать полицейским, — Ци Муцин опустил голову. Полицейские — это сильные, великие герои, разве он мог стать таким?

Сун Цзыюй сидел и смотрел на него, прислушиваясь к тихому бормотанию, и на душе у него стало как-то мутно.

Когда Сун Цзыюй преподавал, он не то чтобы любил это дело, но всегда был ответственным и знал своих учеников. Он знал, что Ци Муцин страдает от комплекса неполноценности, порожденного давлением семьи, слабых характерностью и насмешками одноклассников. Но с тех пор, как Ци Муцин сам стал учителем, он будто переродился.

Он по-прежнему был немногословен, но очень внимателен к людям. Он держался особняком, но всегда держал спину прямо. Он все еще был беден, но из кожи вон лез, чтобы заработать, словно в его жизни появилась надежда и цель.

Именно поэтому в этой жизни, столкнувшись с неудачами, он нашел в этом человеке опору. Это спокойное тепло сблизило их. Даже с учетом воспоминаний из прошлой жизни, если отбросить все обиды, в этом двадцатилетнем юноше Сун Цзыюй не находил изъянов.

Каким же был Ци Муцин до двадцати лет в той жизни? Сун Цзыюй прищурился. Они казались одинаковыми, но в то же время чем-то отличались.

— Это потому, что в детстве ты видел, как полиция приструнила деревенского хулигана, и тебе это показалось крутым? — спросил Сун Цзыюй.

— Ого, откуда ты знаешь? Я что, тебе рассказывал? — Ци Муцин был удивлен, и когда он понял, что Сун Цзыюй действительно знает о нем такие подробности, его глаза засияли от восторга.

Сун Цзыюй промолчал. Он лишь постукивал пальцами по коленям, не отрывая взгляда от Ци Муцина.

— Еще бы! Первый раз я увидел полицейских, когда у нас в деревне был один тип по прозвищу Псиная Голова. Любил воровать и приставать к женщинам. Однажды он обокрал магазин, так его тетки чуть живьем не съели. А потом приехали полицейские в фуражках и форме, и все сразу притихли, а Псиная Голова только и делал, что сидел на земле, обхватив голову руками, и ревел. Это было так круто! — рассказывая об этом, Ци Муцин не скрывал своего злорадства, а в глазах читалось такое восхищение, что Сун Цзыюй невольно улыбнулся.

— Иди сюда, — Сун Цзыюй поманил его рукой.

Ци Муцин, не понимая зачем, послушно подошел.

Сун Цзыюй смотрел на его белую рубашку — единственную приличную вещь в гардеробе, которую тот берег как зеницу ока. Этот парень перед ним был таким же, как и в прошлой жизни, но в то же время другим. Раньше Сун Цзыюй глаза застилала старые обиды.

Он не помнил смутных деталей прошлого, поэтому ему всегда казалось, что это два разных человека, но сердце подсказывало, что это лишь иллюзия или чья-то искусно сыгранная роль. Однако сейчас Сун Цзыюй вынужден был признать: этот человек не похож на того, из прошлой жизни.

Взять хотя бы эту рубашку. В той жизни у Ци Муцина тоже была любимая белая рубашка, но ту он купил на свою первую зарплату. А эту подарил он, Сун Цзыюй.

В прошлой жизни, когда погода была хорошей, они тоже болтали о будущем. Он помнил, как Ци Муцин говорил, что хочет разбогатеть, потому что в деревне был хулиган по прозвищу Псиная Голова, которого все ненавидели, а потом его забрала полиция. Ци Муцин тогда сказал, что полиция приехала только потому, что тот обокрал богатого владельца магазина.

Сун Цзыюй хорошо запомнил тот момент, потому что тогда ему показалось, что Ци Муцин слишком помешан на деньгах и его характер слишком категоричен. Тогда он впервые осознал, как сильно семья влияет на человека.

— Сегодня заработал? Такой щедрый, — Сун Цзыюй видел, как тот присел перед ним на корточки, светясь от счастья, с глупой улыбкой на лице. Его мягкие волосы падали на глаза, и Сун Цзыюй почему-то вспомнился пес Афу у заднего двора школы: такой же глупый, никого не облает, только хвостом виляет.

— Продал две картины, заработал двадцать один юань. Начальник Чжан сказал, завтра приглашает меня в участок в гости, — Ци Муцин не сводил глаз с Сун Цзыюя, позволяя тому взлохматить свои волосы.

Он считал, что Сун Цзыюй сегодня ведет себя очень странно. Вроде бы, когда он только пришел, тот был холоднее льда, а стоило перекинуться парой слов, как он не только заулыбался, но и позволил прикоснуться к своим волосам.

Словно в одно мгновение они вернулись в те времена, когда были ближе всего. У Ци Муцина защемило в носу, а на душе стало как-то тревожно и обидно, хотя он и сам не понимал, отчего.

Сун Цзыюй смотрел, как тот послушно вытаскивает из кармана две купюры — всего двадцать один юань — и вкладывает их в книгу, лежащую у него на коленях.

В этом и была разница между ними. Одинаковые обстоятельства, одинаковый характер, но разная мотивация — и поступки оказываются диаметрально противоположными.

Этот парень перед ним был косноязычен, не умел красиво говорить, мог только болтать всякую чепуху. Он был скуп, привычка экономить с детства заставляла его беречь каждую копейку. Но скупился он только на себя: за столом всегда ел самые простые блюда, а полезную еду почти не трогал. Сун Цзыюй не одобрял такую экономию, но это особое отношение было для него очень ценным.

Он приложил столько усилий, чтобы вернуть деньги на лечение Сяо Фана, огромную сумму, которой он сам был поражен, но все до единого юаня потратил на лечение Сун Цзыюя.

У него всегда были свои принципы: он знал, что нужно брать, а чего брать не стоит.

— Иди накрывай на стол, — Сун Цзыюй опустил глаза. Этот человек умел быть настойчивым, но в прошлой жизни он никогда не был так близок ни с кем. Он никогда не был человеком с горячим сердцем, а этот парень всегда лез к нему, даже когда он только вернулся в этот мир с таким колючим настроением.

Видя, что Ци Муцин застыл, не сводя с него глаз, и даже уши его поникли, Сун Цзыюй снова сравнил его с Афу и тихо вздохнул, похлопав того по макушке.

Настроение Ци Муцина, которое он так старательно выстраивал, вмиг рассыпалось. Он шмыгнул носом, медленно поднялся и продолжал пристально смотреть на Сун Цзыюя.

Пока он не отвернулся, Сун Цзыюй не произнес ни слова. Ци Муцину пришлось с разочарованием отбросить свои нежные чувства, решив, что все это лишь иллюзия. Если бы это было как раньше, в такой момент тот бы слегка поцеловал его и улыбнулся.

Сун Цзыюй прекрасно понимал мысли Ци Муцина. Хотя сейчас он пытался быть справедливым и отделять этого человека от того, из воспоминаний, но Сун Цзыюй, проживший целую жизнь, уже не был тем молодым парнем.

За обеденным столом Ци Муцин впервые проявил характер. Раньше безотказный Ци был готов на все, а теперь молча жевал рис, даже не поднимая головы.

Сун Цзыюй покачал головой и палочками разломил кусок свинины в его чашке. В комнате, где обычно было шумно, теперь слышался только стук палочек о посуду.

— Ешь, — Сун Цзыюй положил кусок мяса в чашку Ци Муцина. Он чувствовал себя злодеем, обижающим бедняжку: парень ростом метр восемьдесят сейчас выглядел таким несчастным. Впервые он заметил у Ци Муцина такой талант, и, что самое удивительное, он его понял.

Ци Муцин все еще не поднимал головы, но ел быстрее. Кусок жирного мяса так и лежал нетронутым в его чашке.

Сун Цзыюй с досадой потерял виски. Пришлось признать: он прожил в одиночестве более шестидесяти лет, а в итоге попался на удочку этого тихони, и в этом была своя логика.

Только он начал понимать свои чувства, как тот тут же подловил его на эмоциях и начал капризничать. Раньше Сун Цзыюй не обратил бы на это внимания, но сейчас он чувствовал вину.

Все это время он намеренно изводил Ци Муцина — и бытом, и своим отношением. Тот не сбежал только потому, что у него был ангельский характер и он был предан ему до мозга костей.

Такие отношения в этом обществе все равно были обречены на осуждение, но Ци Муцин, еще не познав любви, свернул на этот путь из-за него.

В той жизни тот Ци Муцин в конце концов полюбил Сяо Ин, и в год его смерти, кажется, даже женился на женщине.

Но этот... после той попойки он не притворялся, а действительно всю ночь возился с ним.

Весь вечер Сун Цзыюй наблюдал за его суетой, а когда пришло время ложиться спать, тот выбрал самый дальний угол кровати.

Сун Цзыюй сидел, прислонившись к стене, и смотрел на стакан с водой на тумбочке. Он медленно протянул руку, эмалированная кружка с грохотом полетела на пол, покатилась, и теплая вода разлилась по полу.

Услышав звук, Ци Муцин вскочил с кровати. Кружка все еще вертелась на полу, а Сун Цзыюй сидел неподвижно, опустив голову, и невозможно было разобрать, что у него на душе.

— Ты не обжегся? Ничего, я сейчас принесу другую, — он наклонился, сел рядом с Сун Цзыюем и осмотрел его руки. Теплые, сухие, никаких следов ожога.

На самом деле он не боялся, что тот обжегся — вода давно остыла. Он просто боялся, что Сун Цзыюю плохо.

Поначалу, когда Сун Цзыюй только вернулся из больницы, такие звуки были обычным делом. Он еще не привык к жизни с одной ногой и не хотел никого просить о помощи, поэтому часто падал.

Но каждый раз он равнодушно поднимался, и Ци Муцин перестал обращать на это внимание. Только со временем он понял, что эти падения сильно бьют по самолюбию Сун Цзыюя.

Сун Цзыюй поднял голову, посмотрел на встревоженного Ци Муцина, который обнимал его за плечи, и слегка улыбнулся, качнув головой:

— Все хорошо.

— Правда? — Ци Муцин все еще не был уверен. Он внимательно всматривался в лицо Сун Цзыюя, но ничего не мог прочесть. Он боялся, что тот скрывает боль, не желая показывать ее.

— Угу, — тихо отозвался Сун Цзыюй и замолчал.

Только тут Ци Муцин понял, что обнимает его, а Сун Цзыюй не отстранился, а лишь прикрыл глаза. И тут до него дошло.

— Давай спать, — он, на удивление, оказался сообразительным и, обняв Сун Цзыюя, юркнул под одеяло.

Сун Цзыюй подумал, что этот парень в душе настоящий хитрец: кружка еще валяется на полу, а он уже думает, как залезть под одеяло, да еще и руки распускает.

.....

Эту ночь Ци Муцин проспал как убитый, будто заново родился, и утром был полон сил. Сун Цзыюй снова надел свою холодную маску, но Ци Муцин уже привык.

Обслужив своего учителя Суна, накормив его завтраком и уложив досыпать, Ци Муцин в

приподнятом настроении отправился в полицейский участок. И даже входя в ворота, он не почувствовал былой робости — лишь решимость.

Сначала он зашел в кабинет начальника Чжана, а потом другой полицейский отвел его в большой кабинет, где была та самая женщина-полицейский, которую он встретил вчера в парке.

— Вы тоже здесь? — входя, Ци Муцин увидел тетюшку Чжан и ее племянника. Поздоровавшись, он присел.

— Какое совпадение! Я Чжан Цинбо, снова встретились. Сегодня офицер Нин сказала, что нужно прояснить кое-какие детали дела, вот мы с тетей и пришли. Может, сегодня нам снова придется тебя побеспокоить, — Чжан Цинбо улыбнулся и сел на стул рядом. Его тон был мягким, но серьезным — совсем не таким, как при их первой встрече в уезде.

— Ци Муцин.

Чжан Цинбо смотрел на него с легким волнением. Его вызвали сюда не просто так, да и Ци Муцина пригласили не ради любопытства. Вспоминая его уникальный талант художника, Чжан Цинбо о многом догадывался.

Через десять минут вошли еще двое — мужчина и женщина, а следом начальник Ло и офицер Нин.

— Хорошо, давайте обсудим дело Чжан Тунтун. Мы, основываясь на портрете, который предоставил Ци Муцин, нашли двух свидетелей возле магазина на Народной улице. Надеемся, вы сможете дать нам какие-то наводки, желательно восстановить облик преступника, чтобы мы могли продолжить поиски... — судя по всему, молодая женщина-офицер была главным следователем по этому делу.

Задачей Ци Муцина было восстановить облик похитителя по описаниям свидетелей. Это было сложнее, чем в прошлый раз, ведь прошло столько времени, и свидетели могли ошибаться. Ци Муцину пришлось много раз исправлять рисунок, прежде чем картинка сложилась.

Сегодня он по-настоящему почувствовал свою миссию. Когда вечером он вышел из участка, шея и руки затекли, а глаза слипались.

— Сегодня ты очень постарался. Ты действительно мастер, — Нин Сяосяо улыбнулась, глядя, как Ци Муцин разминает руки.

— Ничего страшного, главное, что я смог вам помочь, — Ци Муцин ускорил шаг. Он возвращался поздно, уже стемнело.

Офицер Нин жила недалеко, и Ци Муцин вызвался ее проводить. По дороге он вел себя сдержанно, помня наставления Сун Цзыюя.

При посторонних — поменьше глупости, поменьше слов, поменьше улыбок. В школе он следовал этим советам неукоснительно, сохраняя достоинство учителя.

Ци Муцин помогал в полиции два дня, остальное было уже не в его компетенции.

Однако все эти два дня Сун Цзыюй ходил с ним по врачам — сегодня они посещали уже третьего старого доктора традиционной медицины.

<http://bllate.org/book/21591/2225497>